

Говард Филлипс Лавкрафт

Забвение

Когда время давит, и уродливая мелочность существования ведет к безумию, словно крохотные капли, которым палачи позволили непрерывно обрушиваться на тела жертв, я полюбил озаренное убежище сна. В снах я нашел ту малую красоту, что тщетно искал в жизни, и там блуждал по старым паркам и зачарованным чашам.

Временами проносились порывы ветра: нежные и благоухающие - я слышал зов юга и шел под парусами бесконечно и устало под странными звездами.

Временами лился ласковый дождь - я спускался на барке под землю по лишенному солнца потоку, пока не достигал мира пурпурных сумерек, сияющих беседок и невянущих роз.

Временами я пересекал золотую долину, мечтая остаться в призрачном полумраке, среди причудливо искривленных гигантских деревьев, между стволов которых серая земля, обнажала плесневелые камни преданных забвению храмов. И всегда мое воображение имело цель: опутанную виноградными лозами могучую стену с маленькими воротами из бронзы.

С каждым днем серость и однообразие бодрствования, становились все менее и менее приемлемыми, и я стремился в дурманящую страну, в ее долины, тенистые рощи, желая знать как попасть в мое извечное убежище, чтобы не было больше нужды пробираться обратно в скучный мир, лишаясь новых впечатлений и ярких красок. И любясь маленькими воротами в огромной стене, я чувствовал - там лежит страна, из которой, стоит туда попасть, обратно должно быть уже не вернуться.

Так во сне, на древней, увитой плющом стене, я по ночам искал потайной замок. И осознав, что тот скрыт слишком хорошо, решил, что из страны за стеной не только не нужно возвращаться, она к тому же еще прекрасней.

Позже, как-то ночью в Закарионе, городе снов, я нашел пожелтевший папирус с мыслями мудрецов мира снов, обитавших прежде в том городе - слишком мудрых, даже чтобы родиться в мире бодрствующих. Там рассказывалось многое про мир снов, и среди всего откровение о золотой долине со священной храмовой рощей и высокой стене пронзенной маленькими бронзовыми воротами. Увидав записи, я понял - о них видения, так часто меня посещавшие, и потому внимательно читал пожелтевший папирус.

Некоторые мудрецы мира снов писали витиевато о чудесах за воротами, через которые нельзя вернуться, но иные говорили лишь с ужасом и разочарованием. Я не знал, кому верить, еще более желая проникнуть в скрытые земли - ведь сомнения и неизвестность соблазняют сильнее прочих соблазнов, и никакой ужас не может быть страшнее ежедневной пытки обыденностью. И узнав о снадобье, что откроет врата, я решил добыть его, когда в следующий раз проснусь.

Прошлой ночью я принял снадобье и поплыл во сне в золотую долину с тенистыми рощами, и когда приблизился к древней стене, то увидел - маленькие ворота из бронзы приоткрыты. Из-за них вырывалось сверхъестественное зарево, осветившее гигантские изогнутые деревья и вершушки позабытых храмов, и я предвкусил чудеса страны, откуда, наверное, никогда не вернусь.

Но как только ворота распахнулись шире, и волшебство снадобья и сна толкнуло меня сквозь них, я понял, что все зрелища и красоты остались в прошлом; ведь новая область: не суша, не море, - лишь белая пустота незаселенного и безграничного пространства. Так, я исчез, я - растаял в той исконной бесконечности кристалла забвения, из которого демон Жизни вызвал меня на один короткий и одинокий час.

Перевод: Thrary

1997 год